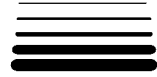

Приглашение к размышлению

**ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КН. С.Н. ТРУБЕЦКОГО
КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ**
**О.Т. Ермишин. Князь С.Н. Трубецкой. Жизнь и философия:
Биография. – М.: Синаксис, 2011. – 176 с.**

А.Т. ПАВЛОВ

В потоке современной историко-философской литературы имя князя Сергея Николаевича Трубецкого встречается не часто. Несколько вступительных статей к изданиям произведений Трубецкого, статей по материалам докладов на конференции 2006 г. и глав в монографиях и учебных пособиях, а также всего четыре диссертации, о которых в своей монографии пишет О.Т. Ермишин, погоды не делают. Пожалуй, только П.П. Гайденок уделила его взглядам серьезное внимание. Но в целом существующие статейные публикации не охватывают всех проблем, над которыми работал кн. С.Н. Трубецкой и которые заслуживают обстоятельного, подробного анализа, поскольку содержат как недостаточно продуманные утверждения, так и фрагменты идей, достойных осмысления и развития, а может быть и философской критики. По сравнению с публикациями, посвященными творчеству А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, Ф.М. Достоевского и К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева и В.В. Розанова, С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева и Г.Г. Шпета и некоторых других наших мыслителей XIX – начала XX в., литература о кн. С.Н. Трубецком – это капля в море историко-философских работ. Да и 150-летие со дня рождения С.Н. Трубецкого было отмечено относительно скромно, хотя личность и деятельность С.Н. Трубецкого заслуживают внимания значительно большего.

Личность князя Сергея Николаевича Трубецкого привлекает тех, кто знакомится с деятельностью и творчеством этого представителя древнего княжеского рода, своим нравственным обликом, своими демократическими убеждениями, так сильно противоречащими сложившимся в нашем обществе взглядам на родовую аристократию как на «безжалостных эксплуататоров трудового народа». Князь С.Н. Трубецкой предстает перед исследователем его деятельности и взглядов как величайший труженик и самоотверженный защитник демократических принципов. Вся его жизнь с юношеских лет наполнена поисками духовных ценностей, стремлением познать скрытые от внешнего взгляда причины развития окружающего мира. И исследование взглядов этого искателя философской истины – задача благородная и благодарная.

Монография О.Т. Ермишина выглядит как чрезвычайно своевременное напоминание о том, что личность кн. С.Н. Трубецкого заслуживает большего внимания, а его философские взгляды должны быть исследованы более разносторонне, с разных точек зрения, как взгляды, ставящие многие философские проблемы, не нашедшие до сих пор исчерпывающего решения (хотя вряд ли возможны вообще исчерпывающие решения философских проблем).

Сам автор называет свой труд «скромным даром памяти великому русскому философу». Но важность этого «скромного дара» в том, что с его страниц выступают черты замечательного человека, талантливого и философски мыслящего ученого, который обратил внимание на важные философские проблемы, волновавшие ученый мир на рубеже XIX и XX столетий.

Монография О.Т. Ермишина начинается с изложения биографии С.Н. Трубецкого. Причем положительным моментом является стремление автора не просто рассказать о жизни Сергея Трубецкого, а рассмотреть процесс формирования его взглядов, понять причины раннего увлечения гимназиста философскими проблемами. При этом важным, как мне представляется, является предпринятая автором краткая, но информативно емкая характеристика студенческих работ С.Н. Трубецкого «О святой Софии, Премудрости Божией», «О счастье», «Род и его значение в жизни и познании». В большинстве работ о Трубецком и в учебных пособиях они не упоминаются, хотя ярко характеризуют серьезность философских увлечений молодого человека, который уже в первых опытах творческой деятельности ставит важные философские вопросы: о связи философии с жизнью, с религией и церковью, опираясь при этом на историю решения этих вопросов в прошлом. Платон и Кант, два философских гиганта, занимавших внимание С.Н. Трубецкого всю жизнь, уже присутствуют в этих ранних философских сочинениях.

Представляет интерес и рассмотрение О.Т. Ермишиным причин увлечения С.Н. Трубецкого общественными проблемами, которые автор усматривает в близком знакомстве Сергея Николаевича с положением крестьянских масс в кризисной голодный 1892 год, когда Трубецкой по приглашению рязанского губернатора занялся организацией помощи голодающим в рязанской губернии. При этом О.Т. Ермишин ссылается на воспоминания О.Н. Трубецкой, по свидетельству которой, до 1891 – 1892 гг. кн. С.Н. Трубецкой «жил исключительно философскими, научными и семейными интересами и область политики была ему совсем чужда». Подтверждением тому является также письмо Сергея Николаевича брату, в котором он пишет, что причиной голода стало глубокое разорение крестьянского хозяйства, бездействие правительства и полное отсутствие общественной организации. Знакомство с реальным состоянием дел в русской деревне могло, конечно, подвигнуть С.Н. Трубецкого на участие в общественной деятельности. Мне же представляется, что такое знакомство могло быть только толчком, а причиной общественной активности князя было воспитание отзывчивости к людским страданиям, христианское милосердие, привитое еще в детстве матерью, истинно верующей

христианкой Софьей Алексеевной, в девичестве княжной Лопухиной. О.Т. Ермишин верно отмечает в самом начале своей монографии влияние семейной обстановки, семейного воспитания на формирование нравственных убеждений молодого князя. Вообще все изложение жизни С.Н. Трубецкого показывает нам человека целеустремленного, трудолюбивого, увлеченного решением философских вопросов и очень внимательного к своим педагогическим обязанностям и состоянию демократических институтов в обществе.

Довольно подробно рассказывает автор о последних месяцах жизни С.Н. Трубецкого, посвященных решению злободневных общественных проблем, в том числе проблем избавления университета от студенческих беспорядков и налаживанию нормальных учебных занятий. Ответственные волнения с конца 1904 г. привели фактически к прекращению учебных занятий, и в этих обстоятельствах единственным средством хоть как-то охранить университет от бесконечных студенческих забастовок и митинговых настроений многие представители профессуры и высшей школы в целом считали возвращение университетам уничтоженных университетским уставом 1884 г. академических свобод, которые, по убеждению С.Н. Трубецкого, должны были поднять авторитет профессуры и тем самым заинтересовать студентов в приобретении знаний и охладить их революционный пыл. До сих пор, кстати, в некоторых статьях превратно толкуется причина поездки кн. С.Н. Трубецкого в Санкт-Петербург с постановлением Совета университета, в котором якобы был высказан протест против вторжения полиции в университетские аудитории. Судя по некоторым воспоминаниям, профессура была бы не против такого вторжения с целью выдворения из учебных аудиторий посторонней публики. Но Совет-то принял решение не оградить университет от вторжения полиции, а просить правительство разрешить общественные собрания и митинги повсеместно и не привлекать их участников к ответственности. Университетские аудитории использовались революционно настроенными участниками митингов потому, что в университете полиция не имела право вторгаться, а за пределами университета митингующие арестовывались. Чтобы такого соблазна митинговать в университетских аудиториях не было, Совет университета и принял 27 сентября 1905 г. постановление, в котором обратился к правительству с просьбой узаконить свободные общественные собрания и обеспечить личную неприкосновенность их участников. Такие меры, по мнению членов Совета, могли бы способствовать ограждению высшей школы от наплыва посторонней публики в университетские аудитории и обеспечить нормальные условия для учебного процесса. Вот с таким серьезным постановлением Совета только что избранный ректор и вынужден был поехать в столицу, чтобы лично объяснить причины, побудившие Совет принять такое постановление. Как известно, поездка кн. С.Н. Трубецкого в Санкт-Петербург окончилась трагически.

Две следующие главы монографии посвящены рассмотрению философских сочинений С.Н. Трубецкого. Очень обстоятельно, на анализе магистерской и докторской диссертаций рассмотрены историко-философские

основы философии С.Н. Трубецкого, который начинает с исследования процесса развития древнегреческой философии в магистерской диссертации и фактически завершает исследование влияния религиозных представлений на философию в докторской. Чтобы более конкретно показать развитие мысли С.Н. Трубецкого о связи философии с религией, о происхождении философии из религиозных идей, автор монографии останавливается на работе Трубецкого «Этюды по истории греческой религии», где Трубецкой, пишет О.Т. Ермишин, «сделал, по сути, первые шаги к тем религиозно-культурологическим методам, которые получили дальнейшее распространение в гуманитарной науке XX века» (С. 41). А затем О.Т. Ермишин обращается к докторской диссертации С.Н. Трубецкого и анализирует трактовку Трубецким идеи Логоса в древнегреческой философии, Ветхом Завете и во всех четырех Евангелиях. К сожалению, в журнальной статье нет возможности показать весь объем проделанной автором монографии работы по раскрытию всей аргументации Трубецкого. Важным является то, что О.Т. Ермишин концентрирует свое внимание на раскрытии Трубецким мессионизма Христа и на внимании Трубецкого к Евангелию от Иоанна, которое Трубецкой рассматривает как наиболее полное и адекватное выражение учения о Логосе. К концу своего исследования, делает вывод О.Т. Ермишин, Трубецкой «приходит к очевидному выводу о том, что умозрительная идея логоса в античной философии полностью превзойдена и преодолена в Евангельском Логосе, который выступает как начало действительной жизни. Таким образом, историко-философское мировоззрение Трубецкого предполагает не только рождение философии из религии, но и развитие философских понятий в религиозные идеи. Такая взаимозависимость религии и философии есть одна из основ идеализма Трубецкого, его представления о значении религиозной философии» (С. 46).

Важным аспектом понимания С.Н. Трубецким взаимосвязи философии и религии является и его понимание роли разума в усвоении веры. Трубецкой писал, что именно разум способен отбросить ложные верования и защитить истинную веру. А ведь православная догматика критически относится к утверждению, что постижение таинств божественной жизни возможно с помощью разума. И некоторые русские философы, например, П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков, тоже считали невозможным постижение таинств божественного Откровения без отказа от закона тождества и без признания принципиальной антиномичности божественной истины. Стоявший на несколько иных позициях Лев Шестов тоже считал несовместимыми разум и веру, и многие названия его работ говорят о противопоставлении им разума и веры: «Афины и Иерусалим», «Умозрение и Откровение», «Миф и истина», «Сократ и блаж. Августин», «Дерзновение и покорность» и т.п. С.Н. Трубецкой же подчеркивал совместимость разума и веры, хотя и отмечал, что вера является все же главным определением человеческого духа. Кстати, Б.Н. Чичерин обвинял С.Н. Трубецкого в мистицизме за признание «безотчетной веры» как источника знаний. Но С.Н. Трубецкой не был мистиком, утверждая роль веры в познании сущности мира, он высоко ставил

и разум, и чувства как необходимые средства познания, и подчеркивал, что именно метафизика, как продукт разума, способствовала изживанию многобожия и приготовила человечество к усвоению христианства.

Мысль о взаимосвязи философии и религии — одна из центральных идей русского философа, свидетельствующая о понимании им места религиозных убеждений в формировании мировоззрения личности. Вместе с этим интересно было бы рассмотреть и вопрос о понимании С.Н. Трубецким сложных взаимоотношений религии и науки, интенсивное развитие которой в XIX в. привело к появлению позитивизма и скептическому отношению ученых к религиозным верованиям. Понимая эту сложность, С.Н. Трубецкий писал, что наука столетиями отставала свою независимость от суеверий и посторонних посягательств и «этой независимостью она не поступится никогда, и если отдельные умы будут измышлять всевозможные компромиссы между наукой и религией, то для науки такие компромиссы пройдут совершенно бесследно. Никакой добросовестный ученый, уважающий науку, никогда не согласится на подобную сделку между наукой и религией, равно недостойную обеих» (*Трубецкой С.Н.* Собр. соч. В 6 т. М., 1907. Т. 1. С. 447). То есть С.Н. Трубецкий, как и В.И. Вернадский, специально рассмотревший этот вопрос в своей работе «О научном мировоззрении», хорошо понимал самостоятельную роль религии, философии и науки в целостном мировоззрении личности и не пытался подчинить один род духовной деятельности другому.

Третью главу, посвященную рассмотрению концепции конкретного идеализма Трубецкого, автор монографии начинает с краткой характеристики его работы «О природе человеческого сознания», которую он оценивает как предварительный набросок Трубецкого к разработке основных своих идей. Эта работа, по мнению О.Т. Ермишина, «имеет большое значение для понимания личной философской эволюции Трубецкого, но обладает малой объективной ценностью для так называемой «философии как строгой науки», поскольку в основном формулирует проблемы, а не решает их» (С. 62). С такой оценкой можно, пожалуй, согласиться, поскольку рассуждения о соборности человеческого сознания в этой работе не свободны от противоречивых утверждений. Но это говорит скорее о том, что сама проблема, заинтересовавшая С.Н. Трубецкого, не решена однозначно и доказательно в науке и философии до сих пор. Однако эта работа характеризует С.Н. Трубецкого как очень серьезного исследователя, опирающегося не только на философские работы своих предшественников и современников, но и на теоретические и экспериментальные исследования ученых, в которых затрагиваются проблемы сознания и процессов познания. Он критикует материалистическое объяснение душевной жизни английского ученого Г. Маудсли, ассоциативную психологию А. Бэна, немецких естествоиспытателей-материалистов Л. Бюхнера и К. Фохта, упоминает исследования немецких психофизиков Г. Фехнера и В. Вундта, французского психолога П. Жане, зоологов Геккеля, Йегера, Роменса, Эспинаса и других ученых, работы которых были важны для понимания природы человеческого сознания. Вообще работы С.Н. Трубецкого свидетельствуют о хорошем знании литературы по психологии,

физиологии, биологии, он был широко образованным человеком. И упреки Н.Н. Страхова в адрес С.Н. Трубецкого в письме к Н.Я. Гроту от 11 апреля 1893г., который писал, что если бы Сергей Трубецкой прочитал его книгу «Мир как целое», «то не писал бы он, что энергия тратится на мысль, или на желание. Это такое грубое и элементарное невежество, что ему нет извинения» (Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. – СПб., 1911. С. 252 – 253) вызваны скорее обидой автора на то, что с его книгой молодой приват-доцент не ознакомился. Ведь сама мысль о психической энергии как одной из разновидностей энергии в мире была в конце XIX в. довольно распространенной и среди естествоиспытателей. Эту мысль разделял и Н.Я. Грот. Так что говорить о невежестве Трубецкого, тем более «грубом и элементарном» не было оснований. И не случайно В.И. Вернадский в своей речи на заседании студенческого научного общества памяти кн. С.Н. Трубецкого в 1908 г., характеризуя Трубецкого как одного из «первых оригинальных, чисто русских философов», как идеалиста-философа «с резкой мистической основой своего миропонимания», говорил, что Трубецкой «в то же время являлся крупным ученым, владеющим всем аппаратом ученого XX в.» (Сборник речей, посвященных памяти кн. С.Н. Трубецкого. – М., 1909. С. 12 и 9).

Обстоятельно проанализирована в монографии О.Т. Ермишина работа С.Н. Трубецкого «Основания идеализма». Особое внимание автор уделил критике Трубецким мистического идеализма, который игнорирует конкретную реальность как источник чувства и мысли, т.е., по сути дела, отказывается от объективного знания. «Идея конкретного идеализма, обоснованная Трубецким, есть своеобразный ответ немецким идеалистам, развитие и корректировка их философских систем», – пишет О.Т. Ермишин. «Конкретный идеализм есть не только философское обоснование действительности и ее связи с абсолютным сущим, но и логическая основа для религиозного сознания» (С. 67).

В своей монографии О.Т. Ермишин обращает внимание на работу С.Н. Трубецкого 1902 – 1904 гг. «Вера в бессмертие», которая редко попадает в поле зрения историков философии, хотя она как бы закрепляет размышления Трубецкого о своем философском видении мира. О.Т. Ермишин рассматривает эту работу как конкретное религиозное обоснование концепции конкретного идеализма. В этой работе, пишет он, Трубецкой все свои «мысли договаривает до конца и полностью раскрывает сущность конкретного идеализма... Конкретный идеализм – это не просто теоретическое построение, а философский идеал, к пониманию которого Трубецкой стремился, пытаясь раскрыть его содержание на основе личного духовного опыта» (С. 72).

В последней главе своего исследования О.Т. Ермишин проанализировал литературу о жизни и творчестве С.Н. Трубецкого, вышедшую в свет в основном до 1917 г. и в зарубежных изданиях. В Советском Союзе взгляды Трубецкого внимания не удостоились. И только в 1989 г. в «Вопросах философии» появилась статья С.Н. Трубецкого «Чему надо учиться у материализма» с предисловием Н.К. Гаврюшина и в «Вестнике

высшей школы» была опубликована речь С.Н. Трубецкого на заседании Историко-филологического общества. Так что знакомиться с творческим наследием князя С.Н. Трубецкого мы начали фактически только с 90-х годов прошлого столетия.

Монография О.Т. Ермишина примечательна не только своим анализом творчества князя С.Н. Трубецкого, она содержит приложения, которые дают дополнительный материал для изучения жизни и деятельности С.Н. Трубецкого.

Во-первых, О.Т. Ермишин впервые публикует рукопись девятнадцатилетнего Сергея Трубецкого «Конспект моей философии», которая занимает 12 страниц печатного текста и свидетельствует о серьезных намерениях выпускника гимназии заняться разработкой философских проблем.

Во-вторых, в книге помещены 18 фотографий семьи и близких С.Н. Трубецкого, которые помогают прочувствовать семейные отношения и окружение философа.

В-третьих, публикуются воспоминания друга и родственника С.Н. Трубецкого, приват-доцента юридического факультета Н.В. Давыдова, в которых рассказывается о семействе Трубецких, детстве, юности и характерных чертах личности Сергея Николаевича, об организации и деятельности Историко-филологического студенческого общества и особенно интересно и подробно описывается поездка членов этого общества в Грецию летом 1903 г.

Все это украшает книгу и делает ее незаменимой при изучении жизни и деятельности кн. С.Н. Трубецкого. Конечно, интересная, содержательная, насыщенная идеями книга О.Т. Ермишина не исчерпывает всего богатства идей, над которыми работал кн. Трубецкой и которые заслуживают более детального и углубленного исследования. Но это первое монографическое исследование жизни и философии кн. С.Н. Трубецкого и в этом его непреходящее значение.